

Несколько дней шёл весенний дождь. Он казался бесконечным — мелко моросил, не собираясь прекращаться. Это явление не сопровождалось холодом или морозом, потому, даже попав под его капли, лишь можно было почувствовать, будто на тело набрасывают тонкую мокрую одежду, более того, эти ощущения не доставляли какого-либо дискомфорта.

Река поднялась на два фэня[1], водную гладь тревожил дождик, оставляя мелкую рябь, издали казалось, словно на поверхность воды кто-то набросил прозрачный и изысканный шёлк, на котором красовались лёгкие узоры. Повсюду витало ощущение весны.

Затянувшийся дождь как начался бесшумно, так тихо и закончился. Рассветный воздух был бесподобно свежим, те, кто рано выбрались из постели, изумились, обнаружив, что дождливая погода наконец-то прекратилась, солнце постепенно росло из-за гор, золотые лучи потихоньку озаряли небо, наполняя радостью людские сердца.

Момент истины, когда князь должен был продемонстрировать подготовленное магическое представление, приближался.

— Как идёт подготовка? Всё готово?

В просторной гостиной, что располагалась на большой джонке семьи Сяо, Фэн Мин в последнее время обсуждал со всеми важные тайны. Снаружи комнату охраняли двадцать головорезов семьи Сяо, внутри — хорошо обученные войска Жун Тяня, а за самую важную охрану — во внутренней комнате — отвечали Жун Ху и Ло Юнь. Что касается участников тайного обсуждения, кроме самого князя, там, разумеется, находились Тайцань, который в скором будущем должен был столкнуться с бедой, и генерал Юньинь Лэ Тин.

— Всё готово. — За последнее время, что им пришлось прожить вместе, чем дольше Фэн Мин находился с государственными лицами, тем больше знакомился с ними, и сейчас, отбросив то отчуждение, которое присутствовало поначалу, князь и два чиновника называли друг друга братьями.

Подошедший Лэ Тин, сняв с головы чёрную доули[2], которая скрывала его внешность, сказал, обмахиваясь:

— Отверстие под полом, где состоится казнь, вырыто, и в нём как раз может спрятаться один человек. Я приказал своим людям хорошо приколотить деревянный ящик, и, когда наступит день казни, им можно будет воспользоваться.

Фэн Мин, поспешно отмахнувшись, проговорил:

— Использовать деревянный ящик ни в коем случае нельзя. Когда занимаешься магией, то нужно, чтобы зритель видел фокус, это поможет сбить с толку; если мы заранее подготовим ящик, то, может быть, кто-нибудь догадается, что с ним что-то неладное. На мой взгляд, нужно лишь подготовить кучу деревянных реек, а когда придёт время — сделаем ящик прямо там,

дабы продемонстрировать кристальную честность генерала. Жульничать бесполезно.

Лэ Тин подумал-подумал и, подняв голову, смеясь, одобрил:

— Тоже верно. Этот генерал действительно кристально честный, даже ящик на месте сделаем, посмотрим, как отреагируют Его Высочество Юн Цюань и его подчинённые собачонки. Наверняка будут в недоумении, ха-ха, ха-ха.

— Итак, где Ваш зять?.. — повернувшись, князь посмотрел на Тайцаня.

После того как они нашли выход из тупика, Тайцань был очень благодарен Фэн Мину, и сейчас, когда князь задал вопрос, чиновник, не сказав и двух слов, спешно и радушно ответил:

— Я поступил согласно распоряжению князя Сяо Мина — притворился, что свалился от горя, а позавчера, «болея», потащился в тюрьму к зятю на последнюю встречу. Что говорил князь Сяо Мин, я всё ему передал.

— Вы детально всё рассказали? Эти слова крайне важны и ни в коем случае нельзя ошибиться, иначе наш фокус не сработает, — настойчиво и с серьёзным видом повторил Фэн Мин.

— Князю Сяо Мину не нужно беспокоиться. Как я могу делать всё, что взбредёт в голову, ведь от этого зависит жизнь моего зятя?! Так что я слово в слово передал ему, настойчиво наказав, он несколько раз повторил наизусть, только тогда я покинул его камеру.

— Тогда ладно, — с облегчением выплюнул Фэн Мин.

«Устал! Делать гораздо сложнее, чем говорить, и магия не исключение».

Несмотря на то, что у него уже был придуман план[3], в действительности самым беспокойным из всех являлся именно он, князь Мин, так как события были чреватые тяжёлыми последствиями.

Прочие маги, чьи фокусы терпели поражения, были высмеяны газетами и средствами массовой информации, после таких разгромных статей фокусникам больше не верили. И это лучший исход, который можно себе представить. Ситуация с зятем Тайцаня была совершенно иной, лишь один промах перечеркнёт всё доверие. То, что во внутреннюю борьбу Юньинь ввязались люди Сяо Цзуна, ладно, но прямые последствия затронут этого изначально находящегося в стороне дружелюбного генерала Лэ Тина.

Покуситься на место казни всё равно, что игнорировать императорские законы, и наказание за него такое же серьёзное, как и за преступление. При малейшем намёке на разоблачение Тайцань вместе с Лэ Тинем и даже остальные члены тайного заговора будут казнены. Что же касается несчастного винодела, то по большому счёту его будет ждать неминуемая гибель.

Впрочем, Лэ Тин, прошедший кровопролитные войны, был намного храбрее обычного человека, а эта волнительная забава, наоборот, только раззадоривала его сильнее, чем что-либо иное, и генерал, будучи в приподнятом настроении, прервал молчание:

— Теперь всё готово. Указ о казни этот генерал написал ещё три дня назад и приказал своим людям развесить копии повсюду. Место, где состоится казнь, находится у городских ворот Фэньчэна. Преступник — знаменитый в Фэньчэне винодел, к тому же сразу видно, что это дело подложное, пришедших зевак наверняка будет очень много.

— При таком огромном количестве свидетелей можно будет с лёгкостью доказать, что генерал Лэ Тин действительно приговорил к смертной казни моего зятя.

— О, Небо, спаси и помилуй, чтобы невинный в конце концов не поплатился жизнью, — сложив молитвенно руки и закрыв глаза, пробормотала стоящая в стороне Цю Лань, а после, открыв глаза, умоляюще продолжила: — Если только все окажутся живы и невредимы, князь Мин на этот раз приумножит воздаяния, которые зачтутся в следующей жизни.

На что Фэн Мин обернулся и, смеясь, обратился к ней:

— Какое отношение это имеет к приумножению благодеяний? Я лишь, заметив несправедливость, тотчас же выхватил меч и поспешил на выручку пострадавшему, и не ради приумножения воздаяния.

Цю Лань с серьёзным видом проговорила:

— Чем больше князь Мин спасает людей, тем больше судьба ему благоволит, потому не нужно презирать эти воздаяния. В будущем если встретитесь с несчастьем, может быть, Небеса проявят сострадание и тотчас же позаботятся о князе Мине за прошлое.

Фэн Мин, услышав её строгий тон, изумился, ему стало смешно, и в то же время зло охватывало душу.

Цю Син захихикала:

— Князю Мину не стоит обращать внимание на неё. Цю Лань в последнее время говорит скучно, бегает в книгохранилище на корабле, ищет там книги и читает. Хоть какие-то книги и сложно отыскать, но она нашла одну про воздаяния, а после её прочтения как с ума сошла — целыми днями одержима творением каких-то добрых дел и какого-то благодеяния.

Только тогда до князя дошло, и он вновь обратился к Цю Лань:

— Через два-три дня у меня появится время, ты покажешь мне эту книгу, так или иначе в плаванье нечем будет заняться и можно в шутку подискутировать.

Цю Лань слабо запротестовала:

— С этим шутить нельзя.

Фэн Мин заботливо потрепал служанку за щёчки и, больше не продолжая спор, обернулся и окинул взглядом Тайцаня и Лэ Тина, после чего на какое-то время задумался. Улыбка сошла с видного лица, позволяя серьёзности, которую крайне редко можно было увидеть, появиться вместо неё:

— Перед тем как действовать, нужно ещё раз всё тщательно обдумать. Есть вопросы?

Лэ Тин с жаром сказал:

— Мы за последние несколько дней уже взвесили все «за» и «против», подумали обо всех вопросах, о которых можно было подумать, князю Мину не стоит сильно беспокоиться.

Тайцань, являясь гражданским чиновником, наоборот, был очень малодушен и, низко склонив голову и неоднократно поразмыслив, отозвался:

— Кажется, действительно уже всё обдумали и тщательно подготовились.

— Тогда ладно. — И князь снова спросил: — Во сколько состоится казнь?

— Сегодня в полдень.

— Хорошо! — спустя минутное молчание внезапно рявкнул Фэн Мин, голос прозвучал настолько громко, что он сам испугался. Оглянувшись по сторонам, князь подпрыгнул на подушке, что была на стуле, глаза засияли воодушевлением, а сам Фэн Мин поднял голову и со смехом произнёс: — Всё подготовлено, не хватает лишь восточного ветра[4]. Магия, несущая большие перемены во спасение человеческой жизни, вот-вот официально свершится, все участники фокуса готовы действовать. Волноваться не нужно, только смело действовать. Этот князь Мин считает, что его план непременно увенчается успехом!

Лэ Тин поначалу, заметив, как князь спрашивал то об одном, то о другом, слегка трусил, однако сейчас, когда смелости стало побольше, мужчина успокоился и, внезапно тоже поднявшись с места, громко начал:

— Этот генерал немедля возвращается в Фэньчэн, чтобы к полудню у городских ворот привести приговор в исполнение, так как на этот раз я являюсь чиновником, который отвечает за казнь.

Тайцань, сложив руки в знак просьбы, добавил:

— Тогда я тоже поспешу назад и притворюсь больным. Когда приговор приведут в исполнение, мне нужно будет, по-прежнему притворяясь убитым горем, потерять сознание, а по приезде домой сначала нанесу на лицо белила. Потренируюсь побольше, а там посмотрим.

Двое мужчин распрощались. Князь, проводив их, широкой поступью вернулся в гостиную и, посмотрев на находящиеся в сторонке заботливых близких служанок, развёл руками, говоря:

— Как я себя только что показал?

— Очень хорошо, — первой отозвалась Цю Син.

Цю Юэ продолжила:

— Очень решительно, при первом же взгляде понимаешь — план князя Мина увенчается успехом.

А Цю Лань добавила:

— Князь Мин только что выглядел крайне внушительно.

Князь выпустил длинный вздох облегчения:

— Мне всё же не удаётся подражать уверенности и внушительности Жун Тяня, увы, как бы я не рисовал тигра, на деле получается некое подобие собачонки[5]. На самом деле, когда наступает решающий момент, мои руки начинают дрожать, а спина покрывается холодным потом. — Подняв руку, князь вытер лоб, на котором действительно поблёскивали холодные капли пота.

— Ваши служанки помогут князю Мину. — Взяв чистое махровое полотенце, Цю Юэ подошла к господину и, обтирая его, сказала со вздохом: — Если князя Мина одолевает страх, то лучше не вмешиваться в это дело. Ваши служанки понимают, что того преступника жалко, однако он докучает князю Мину, делая его несчастным, ведь князь Мин каждый день размышляет, как спасти человека, как сотворить магию... Нам государь велел в дороге заботиться о князе Мине и внимательно смотреть — чем меньше будет на его пути подобных дел, тем лучше, но теперь ни с того ни с сего Вы оказались вовлечены в эти события.

Однако вторая близняшка, наоборот, высмеяла выводы сестры:

— Сегодня в полдень это всё кончится, так зачем ты продолжаешь ворчать? Когда в самом начале князь Мин сказал, что хочет показать фокус, не ты ли хлопала в ладоши и кричала «как занятно»?

— Занятно-то занятно, вот только когда страшно, то и испугаться недолго. А отговорить никак нельзя?

Заметив, что близняшки начали вновь спорить, князь с чрезмерной любовью проговорил, смеясь:

— Ладно-ладно, стоило мне покрыться холодным потом, как вы тотчас же начали ругаться. Но Цю Юэ права, подобные дела заняты, но и страшны, в действительности чувство крайне волнительное.

Цю Лань, смеясь, вставила слово:

— На самом деле я уже давно думаю отговорить Вас. Это путешествие по семи странам только началось, и неизвестно, сколько опасностей нас поджидает впереди, может лучше не создавать лишних хлопот?!

Повернув к девушке голову, Фэн Мин состроил очень глупую страдальческую мордашку:

— Увы, от услышанного я уже сбит с толку. То вы вдруг говорите, что спасение несчастного крайне увлекательное приключение, то внезапно — лучше не вмешиваться и не создавать лишних хлопот. Можно мне подкинуть одно решительное мнение?

Он не говорил ничего плохого, однако когда слова стихли, все три девушки так же, как и князь, состроили страдальческие выражения и единодушно вздохнули.

— Ваши служанки тоже очень обеспокоены! Да, жалко смотреть, как невинный страдает, но нужно сохранить благополучие князя Мина — так что незачем ввязываться во всякие проблемы. Неужели так думать плохо?

— Поэтому Ваши служанки, когда думают о невиновном, в глубине сердца восхваляют князя Мина за его доброту и желание спасти жизнь...

— Но, когда думаю о самом князе Мине, то злюсь, что князь Мин забывает о собственной безопасности, лишь желая помочь другим.

— Такие мысли вполне естественны для человека. Если положение недостаточно прочное, как можете обвинять Ваших служанок?

— Хорошо-хорошо! Это я оговорился, не ваше положение неустойчивое, это всё из-за моей ошибки, идёт? — Фэн Мин слушал их голоса, что были подобны щебету иволги, и, когда к одной девушке присоединились ещё две, князь спешно поднял руки вверх, сдаваясь, после чего обернулся в поисках помощи, но стоящий рядом Жун Ху не знал, как поступить, и Фэн Мин не нашёл ничего лучше, как перевести взгляд на Ло Юня, к которому обратился, словно взывая о

помощи: — Лучше ты, Ло Юнь, подойди и озвучь своё мнение.

Ло Юнь сидел в стороне и, держа за пазухой меч, прижимался к стене, прикрыв глаза. Но как только его позвали, юноша открыл глаза и несдержанно окинул взглядом князя, после чего холодно проговорил:

— Если бояться, то не нужно ввязываться, а коль ввязался, то и бояться не стоит. Молодой господин охвачен страхом, но всё равно ввязывается, просто непостижимо.

Фэн Мин потирал руки, словно хотел приступить к делу, но с гнетущей тоской всё же вернул:

— Хоть страх охватывает душу, но не вмешаться не могу.

Не обращая на слова князя внимание, Ло Юнь спросил:

— Почему не можете?

— Потому что прятаться — не выход, вот только выстояв перед вещами, что пугают тебя, возможно выковать храбрость и мужество.

Таинственное сияние забилось в глазах, и Ло Юнь, обернувшись, уставился на Фэн Мина, который, уже поменявшись в лице, с улыбкой посмотрел на него с вопросом:

— Я верно сказал эти слова?

— Так тоже верно.

Отчего Фэн Мин ещё сильнее растянул губы в улыбке и вновь дружелюбно спросил:

— Можно ли эту фразу расценивать так, что твоё отношение ко мне немного изменилось и в будущем ты ко мне не отнесёшься с холодностью, как раньше? Ты понимаешь, нам целыми днями приходится жить вместе, а постоянно мрачный вид только угнетает, стоит лишь взглянуть.

— Нельзя. — Ло Юнь лениво поднялся на ноги. — Я лишь незаслуживающий внимания подчинённый, к чему молодому господину иметь подобные мысли? Ваш подчинённый хочет выйти на солнце, скоро вернусь. — И, не дожидаясь согласия князя, юный телохранитель с мечом в руках вышел из комнаты.

Фэн Мин, вытаращив глаза, смотрел, как исчезает его силуэт, и вновь начал с огорчением почёсывать затылок, ероша волосы:

— Я столько всего сказал трогательного, но он по-прежнему со злом относится ко мне, почему? Неужели я такой неудачливый молодой господин?

Цю Юэ спешно мягким голосом принялась уговаривать его:

— Князю Мину не стоит печалиться, этот тип от природы суров, нет, он наверняка как только родился, сразу стал угрюмым и не умеет смеяться. И это к князю Мину не имеет никакого отношения.

Тут вклинилась Цю Син, находясь в крайнем недоумении:

— Почему князь Мин вообще думает, что Ло Юнь изменит своё отношение к Вам? Этот тип твёрже камня и совсем не способен на благородство воина.

— Но князю Мину всё же понадобится благородный воин, если князь Мин действительно хочет ступить на землю Тун, там его немедля, как врага, окружит опасность. Потому перед поездкой туда следует решить внутренние конфликты и позволить людям господина Сяо относиться к князю Мину с особым уважением, преданно охранять князя будет достаточно, — педантично заметила Цю Лань. — Иначе как быть, если по чистой случайности в первый же день нашего пребывания прознают, что на корабле все настроены друг против друга?

— Цю Лань настоящая умничка, и как я об этом не подумала?! — с изумлением воскликнула Цю Син.

Однако вторая близняшка начала высмеивать:

— Она всё это услышала от Жун Ху, я ни за что не поверю, что она сама до подобного додумалась.

Фэн Мин раздосадовано проговорил:

— Спасибо, что вы, такие весёлые болтушки, мешаете мне придумывать какие-нибудь способы. Вот только... С другой стороны, я это делаю тоже не только ради боевого духа и привлечения сердец людей господина Сяо на свою сторону...

— А ради чего?

— Часто охватывает чувство, будто между нами есть родственные узы...

Три служанки обменялись растерянными взглядами.

Родственные узы? Между ним и Ло Юнем? Кажется, князь Мин несколько не преуспел в умении видеть людей насквозь...

Когда в комнату вошёл Жун Ху и, увидев мучительно-хмурую мордочку князя, с изумлением спросил:

— Князь Мин, что-то случилось? План по спасению человека подготовлен неправильно?

— План подготовлен правильно, а то, что я сейчас с кислой миной сижу, это из-за того, что целый вечер потратил, придумывая «крылатую идиому», которая несколько не взволновала сердце Ло Юня, — посетовал князь, но, взбодрившись, спросил: — Куда ты только что ходил?

— М-м, я ходил повидаться с Ло Дэном. — И телохранитель Силэй обратился к Фэн Мину, прося указаний: — Казнь вот-вот начнётся, и не важно — завершится она успехом или нет, но людям Сяо обязательно стоит притвориться, что они к этому делу не причастны. Перед началом казни наша джонка должна покинуть Фэньчэн и отправиться дальше.

На что Фэн Мин кивнул:

— Всё-таки ты тщательно обо всём подумал. Прикажи Ло Дэну немедленно отплывать, вот только свой фокус я не смогу посмотреть, увы.

— Мы можем проплыть немного вперёд, потом взять лодку, скрытно вернуться в Фэньчэн, где затеряемся в толпе, и посмотреть на эффектный процесс казни. — После того как Жун Ху замолк, он немного помедлил и вновь продолжил: — Вот только это затрагивает безопасность князя Мина, покинуть большую джонку и затеряться в толпе, в конце концов, рискованно, в таком деле необходимо позвать в сопровождение охрану из людей господина Сяо. Если они не согласятся, то, боюсь, высадка на берег будет несколько трудной.

Фэн Мин пожал плечами и, обернувшись, горько улыбнулся Цю Син:

— Видишь, теперь понятно, почему нужно расположить к себе Ло Юня? Сейчас, когда мне нужно пойти куда-нибудь, необходима его помощь.

Цю Юэ фыркнула:

— Он лишь подчинённый князя Мина, разве не замечательно?! Если князь Мин хочет куда-нибудь пойти, тогда желание нашего господина немедленно будет выполнено. Я сейчас пойду и поговорю с ним. — Девушка действительно поднялась с места и, приподняв подол платья, широким шагом вышла из комнаты.

Но вскоре Цю Юэ, ног под собой не ощущая, вернулась и сообщила:

— Ло Юнь сказал, что не возражает, если князь Мин хочет пойти посмотреть, он лишь будет отвечать за сопровождение и охрану. Вот только, когда князь Мин будет смотреть, не нужно безобразничать, и всё пройдёт хорошо.

Фэн Мин очень обрадовался и как следует похвалил Цю Юэ парой слов. Внезапно корабль качнулся, приходя в движение.

— Большая джонка отчаливает, — спокойно проговорил Жун Ху. — Когда судно скроется из виду, остановится в безлюдном месте, мы сойдём на лодку и тайком проберёмся в Фэньчэн.

Лэ Тин, покинув пристань, незаметно оседлал коня и неспешно отправился к пустынной дороге, ведущей на юг. Продолав приблизительно половину ли подальше от оживлённой пристани, где путников потихоньку становилось всё меньше, генерал собирался уже припустить коня галопом, спеша обратно в собственную резиденцию, чтобы заняться последними приготовлениями, но внезапно почувствовал что-то странное.

Впереди по дороге мчались навстречу две на вид обычных повозки, кроме того, по краям на лошадях восседали шестеро охранников. Две повозки шли бок о бок, а охранники-всадники выстроились в шеренгу, как раз полностью перекрывая путь. Тут несколько пар глаз молча уставились на приближающегося Лэ Тина.

Слова были излишни, так как все эти люди направлялись именно по его, генеральскую, душу. Неужели что-то изменилось? Лэ Тин в душе вздрогнул от страха, замедляя конный шаг, мужчина притворился, будто песок ослепил его, и, подняв руку, чтобы протереть глаз, воспользовался случаем и, обернувшись, в душе вскрикнул от боли. Позади оказались два всадника, медленно приближающиеся к генералу.

Двое с одной стороны и охраняемые повозки с другой становились всё ближе и ближе, а одинокий всадник Лэ Тин постепенно, оказавшись в этих «тисках», вынужденно двигался к середине. Генералу ничего не осталось, как остановить коня и холодно пробурчать:

— Больших дорог, по которым ходит народ, под небом много. Кто такой дерзкий, что внезапно не позволит другому пройти? Неужели думаете ограбить?

В данную минуту остановились всадники и повозки, в которых воцарилось минутное молчание, а после раздался мелодичный мужской голос, задавая вопрос:

— Позвольте спросить, это Вы генерал Лэ Тин, верно?

Лэ Тин из-за тайной встречи с Фэн Мином перед тем, как покинуть дом, тщательно замаскировался, он не только переоделся в платье простолюдина, но и специально наклеил себе густую бороду, а на голову надел большую доули, да вот только мужчина никак не думал, что при встрече его тотчас же узнают.

Испуганный генерал, выискивая способ сбежать, спросил:

— Вы кто?

Сидящий в повозке мужчина со смехом ответил:

— Хотите знать кто я, тогда прошу генерала сесть ко мне в повозку и побеседовать.

Лэ Тин осмотрелся по сторонам.

Будь это обычный день, генерал взял бы с собой группу телохранителей, и было бы ему дело до этих нескольких людей?! Но, к сожалению, сегодня ради секретного задания ему пришлось оставить сопровождение и отправиться в одиночку к князю. А сейчас двумя кулаками четырёх рук не одолеть[6], к тому же окрестности захолустные, и если пустить в ход руки, то, может быть, гниющий труп никто не обнаружит. Ну разве такая смерть не обидная?

Пораскинув мозгами, мужчина сейчас волей-неволей временно притворился, после чего спешил. Несколько здоровых стоящих в стороне мужчин смотрели на него хищно, как тигры[7]. Заметив, что он сошёл с коня, они приблизились и, вытащив меч, находящийся у него за поясом, обыскали генерала, после чего, удостоверившись, что оружия при нём больше нет, подняли занавеску, позволяя Лэ Тину сесть в повозку.

Сам же генерал от злости скрежетал зубами, и скрепя сердце[8] взобрался по ступеням повозки, и, подняв взгляд, невольно обомлел. В повозке сидел утончённый худощавый незнакомый юноша, с виду казалось, что ему лет девятнадцать-двадцать, красивый, обладающий тонкими чертами лица, а взгляд бездонных глаз отражал сияние. Юноша облачился в простой наряд, на котором также красовались обыкновенные украшения, а перед ним находился небольшой квадратный столик, где стояло несколько тарелочек с вполне обычными пирожными, которые хоть и выглядели простенько, однако под ними можно было разглядеть еле заметные светло-зелёные края тарелок — это были именно те знаменитые тарелочки с зелёным клеймом.

Понимая, что нужно сейчас не выглядеть дураком, генерал холодным взглядом окинул сидящего перед ним беззаботного юношу:

— Ваше превосходительство очень храбр — насильно удерживать генерала является преступлением, которое карается смертной казнью. Вы понимаете это?

Находящийся в повозке молодой человек на самом деле был Сяо Лю. Юноше хоть и исполнилось двадцать лет, однако ростом и внешностью его можно было сравнить с Ле-эром, и если по этим пунктам они ничем не отличались, то вот только в сравнении с последним Сяо Лю выглядел равнодушным и несколько спокойным. С того момента, когда он встретился с Жун Тянем, молодой слуга согласно приказу Его Величества отправился в Фэньчэн, изначально планируя немного там задержаться, выискивая способ спасти зятя Тайцаня, при этом не

втягивая сюда самого чиновника пристани, вплоть до того, чтобы власть третьего принца Юн Чэна ещё сильнее ослабла.

Вот только он никак не ожидал, что по прибытии сразу узнает новости о сегодняшней казни заключённого, которую уже распространил генерал Лэ Тин.

Сяо Лю сильно удивился, ведь положение Лэ Тина всегда было беспристрастным, даже если в конце концов он приведёт приговор в исполнение, однако так спешить с этим он не должен был. Кто бы мог подумать, что такой человек с нейтральной позицией встанет на сторону второго принца Юн Цюаня? Охваченный отчаянием, молодой человек вынужденно отправил своих людей, дабы следить за генеральской резиденцией, и, пользуясь тем, что Лэ Тин один, было принято решение временно схватить его. Но поскольку дело оказалось крайне внезапным, люди хоть и перехватили мужчину, но лёгкого способа как всё нужно исполнить, люди Сяо Лю не придумали.

Хоть молодой человек в душе сильно волновался, однако вида не подал, услышав вопрос генерала, Сяо Лю слегка улыбнулся:

— Насильно удерживать генерала? Но я не обладаю настолько огромной храбростью, ведь Сяо Лю получил приказ и прибыл сюда, чтобы попросить генерала сесть в повозку, дабы поинтересоваться делами, потому незачем говорить о насильном удержании.

— Э? Чей приказ Вы получили?

— Прошу генерала посмотреть сюда. — Сяо Лю, взяв ремень, отстегнул от него дощечку[9] и вручил Лэ Тину. Юноша скрывался под крылом Юн Цюаня, служа в стенах резиденции наследного принца Юнъинь, какую ещё он должен был вытащить дощечку?! Конечно же, дощечку резиденции наследного принца Юн Цюаня.

Лэ Тин, опустив взгляд, почти изменился в лице, после чего прошептал:

— Резиденция наследного принца?

— Верно. — Сяо Лю улыбнулся и, удобно прислонившись к стене повозки, щели которой были заполнены мягкой шерстью, продолжил: — За последнее время в Фэньчэне произошло множество случаев, потому Его Высочество Юн Цюань приказал мне приехать сюда и уладить несколько дел. — Юноша, конечно же, городил чушь.

Ведь после встречи с Жун Тянем у него не было времени вернуться в столицу, где он усердно служил Юн Цюаню. Сяо Лю размышлял, что дело осложнится, если кто-нибудь его убьёт, потому лучше всего сначала взять с собой дощечку и отправиться спасать человека, а уже потом вернуться к Юн Цюаню и продолжить ему служить. Его вышесказанные слова были озвучены без раздумья, чтобы генерал не догадался о его изначально скрытых намерениях и ничего не заподозрил.

Но кто бы мог подумать, что генерал как раз от страха покрылся холодным потом. Едва услышав о том, что человек Его Высочества наследного принца прибыл в Фэньчэн, Лэ Тин ощутил холод, скользнувший по спине. Действительно, «боящийся темноты как назло с ней встретится».

Никто не ожидал, что Юн Цюань придаст такое огромное значение должности управляющего чиновника маленькой пристани Фэньчэн и внезапно отправит доверенного человека сюда. К тому же не только станет тайно следить за наказанием, так ещё перед казнью перехватит на дороге, в глухом месте. Неужели... неужели они уже узнали о грандиозном фокусе князя Мина по воскрешению человека?!

Подумав об этом, Лэ Тин ещё больше вспотел. Если о предстоящем событии прознали, то не только преступник, но и Тайцань наверняка умрёт, даже он, генерал, не сможет их спасти. Сам же Лэ Тин о своей смерти не печалился, но главная жена с тремя младшими жёнами, к тому же ещё и дети жили в генеральной резиденции, а если Юн Цюань к своему кровному брату жестоко относился, то что говорить о семье генерала?

Чем больше Лэ Тин думал, находясь внутри маленькой повозки, тем беспокойнее становился и тем больше сомневался. План князя Мина был крайне ухищрённым, к тому же ещё не демонстрировался, позволяя всем увидеть имеющиеся изъяны, так откуда в стенах резиденции наследного принца узнали об этом?

А если люди из дворца наследного принца не прознали о данной новости, то как могло случиться, что его, генерала, остановили в этом месте именно в это неподходящее для бесед время?

Будучи генералом, служившим много лет, к тому же будучи ещё и чиновником, долгое время находившимся при императорском дворе, Лэ Тин, несмотря на ту боль, что охватывала душу, почти разбивая сердце на части, виду не подавал, более того, ни один мускул не дрогнул на его лице, он лишь безэмоционально проговорил:

— Оказывается, это слуга наследного принца — Сяо Лю. От столицы путь неблизкий, молодой господин Лю устал, ведь господин Лю, не бояясь всяких тягот, прибыл сюда. Какие есть указания?

— Это ради того винодела по имени Чао Ань.

Лэ Тин, тщательно обдумывая каждое слово и каждую фразу, спокойно вернул:

— Прошу господина Лю доложить Его Высочеству наследному принцу Юн Цюаню, что это дело уже подобающе улажено. Преступника сегодня же обезглавят, этот генерал лично проконтролирует, никаких проблем не возникнет.

Сяо Лю беспокоился о Чао Ане, которого сегодня должны были казнить, потому, если сейчас

не начать действовать, то получается, что он не выполнит поручение Жун Тяня? И юноша хмуро спросил:

— А не принял ли генерал слишком поспешное решение насчёт казни?

— Что? — Лэ Тин недоверчиво окинул взглядом Сяо Лю.

Что касается точки зрения Юн Цюаня, то его людям страсть как не терпелось поскорее умертвить Чао Аня, соответственно, затрагивая ещё и Тайцаня. Кроме трёх заговорщиков кто-то ещё узнал о сегодняшнем представлении? Если так, то жизнь всех участников предстоящего фарса висит на волоске.

Лэ Тин в душе внезапно напрягся и, с трудом сохраняя спокойствие, задал вопрос:

— Почему господин Лю говорит, что этот генерал слишком поспешно принял решение насчёт казни? Этот преступник доставил государю скисшее вино юцзы, а это значит, что он пренебрегает могуществом Его Величества, он крайне невежествен, поэтому уже давно должен быть приговорён к смертной казни. Разве Его Высочество Юн Цюань однажды не присылал письма ответственному за данное дело, в котором просил не затягивать с приговором? Этот генерал просто выполняет приказ Его Высочества, не более.

Сказанные генералом слова выглядели как точка зрения самого Юн Цюаня, однако служивший принцу «верой и правдой» и сидящий напротив молодой человек был непоколебим. Более того, слуга знать не знал, что сам наследный принц не спускал взора с тёпленького местечка управляющего чиновника пристани Фэньчэн.

Именно потому, что слуга занимал высокое положение при дворе наследного принца, как он мог озвучить цель собственного приезда?! Неясным взглядом окинув Лэ Тина, Сяо Лю так захотел запинать до смерти находящегося перед ним знаменитого полководца Юньинь. Всё ещё храброго? Тьфу, такого же льнущего к силе[10] типа!

Изначально выбиравший нейтральную позицию, генерал сейчас, вероятно, увидел, как сила наследного принца день ото дня набирает обороты, поэтому спешно и вопреки совести начал заискивать перед Юн Цюанем и посредством казни невинного зятя Тайцаня решил к нему подлизаться. Крайне возмутительно ещё и то, что он восхваляет это проклятое ничтожество, который считает человеческую жизнь ничтожной пылинкой.

— Генерал действительно непоколебимо предан наследному принцу Юн Цюаню, — Сяо Лю, стиснув зубы, неохотно усмехнулся. — В будущем я несомненно лично доложу Его Высочеству о таком усердии генерала. Но в моих словах, что генерал слишком торопиться привести приговор к исполнению, также есть смысл. Видите ли, семейство Тай на протяжении нескольких поколений занимает пост чиновника в городе Фэньчэн, потому наказание кого-то из рода Тай может потерпеть ещё несколько дней. Если действовать слишком поспешно, то легко можно вызвать осуждение, а подобное наверняка может плохо отразиться на Вашей, генерал, репутации.

Услышав слова слуги принца, Лэ Тин в душе вздохнул с облегчением. Оказывается, только ради этого они делали то, что делали — перехватили на полпути Лэ Тина, заставив последнего сесть в повозку. К тому же заставили считать, что странность сегодняшней казни раскрыта.

Тревога, охватывающая душу, ушла, и, внезапно успокоившись, генерал замахал рукой и приглушённо с серьёзностью проговорил:

— В этом плане прошу Его Высочество Юн Цюаня не волноваться. Данный вопрос уже порядком затянулся, но теперь настало время его решить. Невзирая на доказательство и совокупность преступных деяний, к тому же, что касается процедур исполнения казни, то всё целиком соответствует законам Юньинь, никто не уличит Его Высочество Юн Цюаня в причастности к данному делу.

На что Сяо Лю ответил:

— Его Высочество Юн Цюань хочет, чтобы мы немного повременили.

Если бы раньше ему приказали отпустить заключённого, то Лэ Тин, конечно же, с удовольствием согласился бы, так как мужчина не хотел приговаривать невинного человека к смерти. Но сейчас, когда проделка с фокусом, спланированная князем Мином, должна была воплотиться в жизнь, к тому же яма под местом, где должна пройти казнь, уже была выкопана, то если сегодня по чистой случайности не довести дело до конца, кто знает, что ещё обнаружится[11].

Подумав об этом, Лэ Тин решительно заявил:

— Три дня назад этот генерал широко оповестил общественность, и теперь каждый знает, что сегодня день казни. Если внезапно всё остановить, боюсь, вызову осуждение. Прошу господина Лю понять, что этот генерал действительно заботится о Его Высочестве наследном принце, и чем раньше завершится данное дело, тем выгоднее будет Его Высочество Юн Цюаню.

Лэ Тин акцентировал внимание на заботе о Его Высочестве наследном принце, и говорил он это с такой непоколебимостью, что Сяо Лю от злости лишь таращил на мужчину глаза, не в силах что-либо предпринять, даже весомого мотива как назло не мог ему предъявить. Более того, если бы Сяо Лю продолжил уговаривать, то Лэ Тин наверняка что-нибудь заподозрил бы, ведь Сяо Лю с большим трудом тайно проник во дворец наследного принца Юн Цюаня — всё будет напрасно, если из-за такого пустяка раскрыть себя.

Дело достигло той точки, что будь кто-нибудь другой на месте Сяо Лю, возможно, тотчас же бросил бы и больше не поднимал данную тему. Однако слуга Жун Тяня хоть телом был худощав, но имел несгибаемую волю и крайне сильную самонадеянность. Долго не видевший императора Силэй Сяо Лю, наконец-то встретившись с Жун Тянем, лично взялся за данное поручение.

Хоть дело было недостаточно серьёзным, но поскольку юноша обещал императору Силэй, лучше всего выполнить его, и будет хорошо. Когда Сяо Лю пребывал в нерешительности, внезапно смелая мысль, как гром среди ясного неба, с грохотом промелькнула в голове.

О том, что Лэ Тин в одиночку покинул дом, а после — оказался схваченным, в Фэньчэне никто не знал. Слуги, находящиеся при Сяо Лю, крайне преданны и не позволят сегодняшним событиям просочиться за пределы повозки. Лучше, чтобы даже духи не знали и демоны не почували[12] — просто взять и заколоть Лэ Тина кинжалом!

Когда время подойдёт к полудню, а чиновника, ответственного за казнь, не окажется на месте, то заключённого, разумеется, не казнят. Официально зятя Тайцаня не приговорят к смерти, тем самым обвинение, выдвинутое родственнику, не коснётся самого Тайцаня. По крайней мере до тех пор, пока императорский двор не пришлёт нового генерала на смену предыдущему, должность управляющего пристанью чиновника не изменится.

Какое-то время Сяо Лю молча размышлял, украдкой глядя на Лэ Тина: «Тот невиновный виноторговец оказался втянутым в борьбу двух Высочеств, собственно говоря, ему никто не желает зла. А этот тип, ни в грош не ставящий человеческую жизнь, если хочет убить виноторговца, то лишь ради того, чтобы сыскать расположение Юн Цюаня. Что мешает убить умалишённого человека?» — при подобной мысли глаза опасно сверкнули, однако уголки губ изогнулись в мягкую улыбку, а сам юноша последовательно проговорил:

— Генерал прав, похоже, я слишком распереживался. В таком случае, прошу генерала отправляться домой. Будет лучше, если дело виноторговца решится так, как говорит генерал.

Откуда Лэ Тину было знать, насколько коварные мысли кружились в голове Сяо Лю. И это не удивительно, ведь какими бы ни были мысли генерала, сам мужчина никогда не подумал бы о том, что Сяо Лю на самом деле является шпионом Жун Тяня. В данный момент все поступки Лэ Тина отвечали интересам Юн Цюаня, а значит — Сяо Лю должен попросту отпустить его.

Услышав слова слуги, мужчина, ни о чём не подозревая, сказал со смехом:

— Очень надеюсь. Скоро наступит полдень, этому генералу нужно поспешить, чтобы добраться до места казни, что ж, прошу господина Лю заняться своим делом и доложить обо всём Его Высочеству Юн Цюаню. Прощайте. — Сложив руки в знак почтения, мужчина поклонился Сяо Лю и, развернувшись, сошёл с повозки.

Лишь стоило сделать мужчине шаг, как позади со стороны повозки внезапно раздался громкий крик. Генерал не успел отреагировать — несколько людей Сяо Лю, что окружали другую повозку, уже давно приняв злобный облик, рванули вперёд и беспорядочно с грохотом бросились на мужчину. Лэ Тин, который до этого даже не думал держать ухо востро, почувствовал удар, пришедшийся по носу, в глазах тотчас же зарябило. Застигнутый врасплох генерал положился на инстинкты, полученные во время тренировок и на поле боя, спешно отступил, поднял руку, дабы заблокировать удар, после чего быстро опустил вторую руку к поясу, стараясь нащупать меч, но оружия на месте не оказалось, так как его у него отобрали

ещё тогда во время досмотра, когда мужчина садился в повозку. Секундное промедление — и несколько ударов прились на поясницу и живот, от боли генерал согнулся пополам, его обуял страх, а вместе с ним и ярость, из горла вырвался крик:

— Чего вы хотите? — а в мыслях промелькнуло: «Безжалостные нападки этих людей, не смотрящих на статус и положение[13] человека, дают понять наверняка, что наш с князем Мином план уже им известен! А иначе к чему людям из резиденции наследного принца так поступать? Возмутительно одно: до сих пор не понимаю, где именно обнажилась прореха? А самое скверное — это то, что ни князь Мин, ни Тайцань не знают о случившемся. Если они будут действовать по плану, то, боюсь, попадут под жестокий удар. Не выйдет! Никоим образом не позволю им узнать о том, что попал в руки людей наследного принца!»

Подумав об этом, мужчина, не обращая внимания на натиск за спиной, рванул вперёд и оттолкнул двух здоровяков, что преградили ему путь, и, рискуя своим горлом, крикнул:

— Убивают! Убивают! Я генерал Юньинь... — слова не успели утихнуть, как сзади кто-то нанёс сильный удар по голове и мужчина, ослабев, рухнул в тёмно-жёлтую пыль.

Занавеска в повозке поднялась:

— Уладили?

— Докладываем господину, он потерял сознание. — Один из слуг носком обуви пнул неподвижное тело Лэ Тина, пренебрежительно говоря со смехом: — Этот тип только что хотел позвать людей на помощь, хе-хе, это пустынное место, в котором даже злого духа нет, разве кто услышит его крики?

На что другой спросил:

— Господин хочет убить его? — и вынул короткий кинжал из-за пояса.

Они — злодеи, привыкшие убивать людей, Сяо Лю с большим трудом удалось их переманить на свою сторону и подчинить, каждый из них был свиреп и не страшился смерти. Стоило Сяо Лю едва открыть рот, и глотка генерала была бы перерезана в тот же миг, данное действие ничем не отличалось бы от умерщвления курицы.

Сяо Лю поначалу хотел кивнуть, но внезапно кое-что вспомнил и спросил:

— Вы недавно следили за тем, куда ездил генерал, покинув свою резиденцию. Так где он был?

— Этот тип тайком отправился к пристани Фэньчэн, где вошёл в неизвестно какой потайной проход и вмиг исчез. Мы почти подумали, что он заметил нашу слежку и решил сбросить нас с хвоста. Полчаса спустя мы вновь его нашли, только уже на широкой дороге, ведущей от

пристани.

Пристань Фэньчэн?

«Согласно новости, большая джонка рода Сяо, на борту которой находился князь Мин, разве не пришвартовалась к пристани Фэньчэн? Неужели...» — подумав об этом, Сяо Лю в глубине души испугался и, опустив голову, взглянул на лежащего на земле бесчувственного генерала. — «Неужели эта ядовитая тварь, чтобы снискать расположения Юн Цюаня, решила нанести удар и князю Мину?»

«Если так подумать, то смысл есть, казнить мелкого винодела — вовсе не великое достижение перед Юн Цюанем. Но если погубить горячо любимого императором Силэй князя Мина, то нынешний император Силэй — Жун Тун — наверняка будет очень благодарен Юн Цюаню, поэтому убийство Его Светлости будет расцениваться как огромная заслуга. Ах, этот предатель, кто бы мог подумать, настолько отвратительный!»

Во взгляде Сяо Лю, который уставился на бессознательного Лэ Тина, промелькнул злобный блеск. Поначалу юноша хотел приказать убить генерала, но передумав, отвернулся, лишь холодно бросив:

— Пока что связать. Когда завершится дело с Тайцанем, этот господин лучше хорошенько и с пристрастием допросит его. О том, что случилось сегодня, никто не должен знать, кто бы что не спрашивал, ясно?

И слуги с шумом ответили:

— Слушаемся.

Примечания:

[1] Мера длины, равная 0,33 см.

[2] Широкополая коническая шляпа (обычно из бамбуковой щепы) для предохранения от дождя и солнца.

[3] В оригинале фраза звучит как «в душе (в уме) иметь готовый бамбук (прежде чем начать рисовать его»; обр. в знач.: иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

[4] Эти слова сказал Чжоу Юйю, чтобы сжечь флот Цао Цао в романе «Троецарствие»; обр. в знач.: отсутствие одного из важнейших условий для выполнения плана.

[5] Обр. о провале взявшегося не за своё дело, за работу не по силам.

[6] Обр. против силы не устоишь.

[7] Обр. алчно взирать; бросать алчные взоры.

[8] В оригинале фраза звучит как «отвердив кожу головы», обр.: с упорством; через не хочу, заставляя себя.

[9] Доска для официальных распоряжений.

[10] В оригинале фраза звучит как «стремиться к свету (блеску) и льнуть к силе»; обр. в знач.: заискивать перед сильными мира сего, раболепствовать перед властью имущими.

[11] В оригинале фраза звучит как «высунуть лошадиные копыта», обр. выдать себя, раскрыть, выдать скрытый замысел.

[12] Обр. в знач.: совершенно незаметно, в глубочайшей тайне.

[13] В оригинале фраза звучит как «разорвать кожу на лице», обр. в знач.: не жалея (чьих-либо) чувств; беспристрастно, не считаясь с общественным положением, статусом, должностью человека.

<http://bllate.org/book/13377/1190219>